

Исламский фактор в саудовско-российских отношениях

Маджид Ат-Турки,

кандидат политических наук,
советник министра исламских дел
Королевства Саудовская Аравия

Саудовская Аравия проявляет заинтересованность в развитии отношений с Россией. Ее стремление к расширению связей с российской стороной определяется, прежде всего, положением России как одной из ведущих мировых держав. В момент восстановления отношений тогда еще с Советским Союзом саудовское руководство именно так акцентировало свой подход.

17 сентября 1990 г. Королевство Саудовская Аравия и Советский Союз достигли соглашения об обмене дипломатическими представителями на уровне послов. Заканчивалась эпоха длительного взаимного непризнания и активного противостояния в сфере международных и региональных отношений.

Обе стороны заявили, что, как подчеркивалось в принятом ими совместном коммюнике, они руководствуются стремлением развивать “двусторонние дружеские отношения на благо народов обоих государств”. Саудовская Аравия и Советский Союз выражали заинтересованность друг в друге не только в контексте развития обоюдовыгодных контактов в сфере межгосударственных отношений, но и в области мировой политики. Обе страны делали акцент, в первую очередь, на разрешении конфликтных ситуаций в том регионе мира, который они обе рассматривали в качестве зоны своих государственных интересов, – на Ближнем Востоке и арабо-мусульманском мире.

Для Саудовской Аравии вопрос о восстановлении отношений с Советским Союзом отражал также желание создать прямой канал взаимодействия с регионами зоны распространения ислама в России.

Отвечая на вопрос о том, “какие цели преследовала саудовская сторона, восстанавливая отношения с Советским Союзом”, бывший руководитель служ-

бы контрразведки Королевства, председатель административного совета Центра исламских исследований им. короля Фейсала в Эр-Рияде, в недавнем прошлом посол Саудовской Аравии в Великобритании и Соединенных Штатах принц Турки Аль-Фейсал отмечал: “Основным побудительным мотивом того, что Саудовская Аравия в конце 1990 г. восстановила отношения с Советским

Союзом, стали изменения в этой стране как итог перестройки, провозглашенной президентом М. Горбачевым”. И далее: “Кроме того, в составе Советской Федерации были мусульманские республики, стремившиеся к возобновлению прерванных на протяжении почти семидесяти лет отношений между ними и Королевством”.

По его словам, в Саудовской Аравии осознавали, что “вхождение Советского Союза в этап перестройки будет означать начало глубоких стратегических изменений в сфере европейских международных отношений. Собственно, это и произошло: такие страны, как, например, Польша, Венгрия и Чехия, обрели подлинную независимость. Королевство, устанавливая отношения с СССР, стремилось быть в курсе начинавшегося процесса. Наконец, сам по себе Советский Союз был одним из полюсов мира того времени. Королевство должно было присутствовать при уже начавшихся изменениях, тем более что оно обладало возможностями, в дальнейшем все более увеличивавшимися, влиять на эти изменения”¹.

Точка зрения представителя саудовского руководства подтверждалась и ведущими саудовскими экспертами, занимающимися вопросами отношений с Советским Союзом/Россией.

Так, один из них, А.М.А. Аш-Шехри, писал: “Основными побудительными мотивами, определявшими стремление Эр-Рияда улучшить отношения с Москвой, были, во-первых, его желание ... диверсифицировать свои внешнеполитические связи. ...

Во-вторых, важность восстановления отношений с Советским Союзом вытекала из возможности открыть новые каналы связи с мусульманскими меньшинствами Кавказа, Поволжья, а также жителями Центральной Азии. ...

В-третьих, Королевство стремилось использовать богатый опыт российского научно-технического знания. ...

В-четвертых, отношения между Саудовской Аравией и Советским Союзом со-

действовали бы всеобъемлющему сотрудничеству между обеими странами в сфере урегулирования региональных конфликтов”².

Однако главным для саудовского королевства было восстановление связей с мусульманскими общинами в России, что означало для ее руководства выполнение возложенной на нее миссии по обеспечению солидарности во всем мусульманском мире.

В начале 1990 г. первые выходцы из мусульманского сообщества России и других республик стали получать саудовские государственные стипендии и прибывать на учебу в Исламский университет имама Мухаммада бен Сауда в Эр-Рияде. Речь шла и о “финансовой и моральной поддержке вновь возникающих там мусульманских организаций”, об “обмене культурными миссиями” с советскими “мусульманскими” республиками, в ряду которых назывались также и российские автономии Поволжья и Северного Кавказа, куда отправлялись “экземпляры Благородного Корана и книги религиозного содержания”. Это была официальная саудовская программа, предусматривавшая первоначально, в частности, организацию *хаджа* советских паломников-мусульман к расположенным в пределах Королевства святыням ислама на личные средства саудовского монарха, а также участие Исламского университета имама Мухаммеда бен Сауда в проведении летних семинаров для мусульманских активистов в городах Центральной Азии, Азербайджана и Северного Кавказа.

Наконец, саудовские благотворительные фонды начали принимать активное участие в возведении и реконструкции мечетей.

Важным этапом в сфере развития двусторонних контактов стал визит в ноябре 1994 г. председателя Совета

Министров России В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию и другие государства региона. На встречах с саудовскими лидерами представитель российского политического истеблишмента обсуждал “представляющие взаимный интерес международные проблемы”, в первую очередь, ближневосточный мирный процесс и урегулирование в регионе Залива после введения международных санкций в отношении Ирака. Одновременно были затронуты различные аспекты двусторонних отношений. Обмен мнениями продемонстрировал схожесть или близость позиций сторон по большинству обсуждавшихся вопросов. Возникшее между сторонами политическое доверие предполагало, естественно, что они высказывались в пользу дальнейшего развития отношений в различных областях, особенно в экономической сфере.

Во время визита В.С. Черномырдина в саудовскую столицу было подписано Генеральное российско-саудовское соглашение, предусматривавшее сотрудничество обеих государств в области экономики, торговли, инвестиций, культуры и спорта³.

В рамках этого соглашения (официально вступившего в силу, однако, только в октябре 1996 г.) обе подписавшие его стороны обязались предоставить друг другу “режим наиболее благоприятствуемой нации”, а также создать “Совместную межправительственную Российско-Саудовскую комиссию по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству”. Спустя много лет (и уже в связи с состоявшимся в сентябре 2003 г. визитом в то время саудовского наследного принца Абдаллы бен Абдель Азиза в Москву) саудовские политики подчеркивали, что результаты поездки В.С. Черномырдина были “высшей точкой саудовско-российских отношений времени начала 90 годов.”. Они же отмечали, что

“дальнейшее развитие событий продемонстрировало лишь последовательное снижение их уровня и значения”.

В Саудовской Аравии понимали: то, что там называли предпосылкой потенциальной возможности установления отношений с Россией, возникло в канун распада великой державы.

Хотя, по словам А.М.А.Аш-Шехри, “события 1991 г. встретили понимание Королевства Саудовская Аравия, ... в некоторых кругах считали крушение Советского Союза победой ислама над идеологией атеистического коммунизма и освобождением мусульманских народов Центральной Азии и Кавказа от русской тирании”².

А.М.А.Аш-Шехри подчеркивал, что “официальный Эр-Рияд был далек от чувства осуждения, проявив прагматизм и направив свои усилия на развитие сотрудничества с новым российским руководством”.

Однако провозглашение 1 ноября 1991 г. главой Чечни Дж.Дудаевым “независимости” этой российской автономии стало поводом для давления консервативных религиозных кругов на саудовское руководство: они настаивали на необходимости признания этого самопровозглашенного политико-административного образования со стороны Королевства. В России, где в условиях беспрецедентного роста национально-сепаратистских настроений и тенденций вопрос о сохранении территориальной целостности страны был очень актуален, эта позиция была воспринята как способная иметь абсолютно деструктивные последствия.

Саудовское движение в направлении установления контактов с российскими собратьями по вере оказалось “спонтанным”, не основанном на сколько-либо достоверных знаниях об их положении. Результат оказался предсказуемым: российские мусульмане не стали фактором положительного влияния на саудовско-российские отношения.

Стоило бы согласиться с точкой зрения российского исследователя К.И.Полякова, писавшего, в частности, что “практика деятельности саудовских исламских благотворительных фондов в первой половине 90-х годов в России показала наличие целого ряда проблем...Стало заметно, что многие саудовские представители слабо ориентируются в российских реалиях, проявляют излишнюю доверчивость в отношении непорядочных “деятели от ислама”. Начали вскрываться факты, свидетельствовавшие о том, что полученные от саудовских фондов средства использовались российскими гражданами в целях личного обогащения”.

Но даже если во второй половине 90-х годов произошли определенные изменения, когда “саудовская сторона предприняла некоторое исправление ошибок в работе благотворительных фондов”, взаимодействие саудовских организаций с российскими мусульманами не было полностью исправлено⁴.

Наконец, возможности саудовско-российских контактов сужались и в связи с важнейшим внутривосточным кризисом в России: чеченским кризисом и занятой в связи с ним позицией Саудовского Королевства. Эта позиция включала в себя два основных аспекта. Если одним из них была политическая позиция саудовского истеблишмента, то вторым – гуманитарная помощь Саудовской Аравии населению Чечни и лагерям беженцев на территории соседних российских северокавказских автономий. Оба этих аспекта заслуживают внимания.

Еще в июле 1995 г. саудовское правительство обратилось к России с призывом “не использовать силу против Чеченской Республики” и призвало ООН вмешаться в конфликт. Однако ранее, на VII встрече в верхах глав государств-членов Организации Исламская Конференция (ОИК) (декабрь 1994 г.), чеченский вопрос был поставлен в повестку дня ее работы. Генераль-

ный секретарь ОИК того времени Х.Аль-Габид обратился к Б.Н. Ельцину и Д.Дудаеву с призывом урегулировать конфликт мирными средствами. В принятом VII саммитом ОИК заявлении подчеркивалось, что “мусульмане всего мира с величайшей тревогой следят за развитием ситуации в Чечне”, а сама ОИК обратилась к мировому сообществу с призывом “добиться мирного решения чеченской проблемы”⁵.

Тем не менее, на этом саммите была отвергнута просьба Д. Дудаева о принятии Чечни в члены ОИК, а попытки некоторых мусульманских стран связать проблему Чечни и то, что они называли “просербской” позицией Москвы, не получили сколько-либо серьезного продолжения. В свою очередь, даже после подписания Хасавюртских соглашений, когда в течение 1996–1999 гг. существовала, по сути дела, независимая Ичкерия, саудовское руководство продолжало сохранять взвешенную позицию. Хотя в период между 1997 и 1999 гг. А. Масхадов трижды посещал Королевство (совершая паломничество к святыням ислама), его усилия, направленные на то, чтобы добиться официального саудовского признания, оказались малопродуктивными. Умеренность саудовской официальной позиции по чеченскому вопросу вовсе не означала, однако, что она была подержана религиозными кругами. Некоторые религиозные деятели в контролируемых ими изданиях и на электронных сайтах открыто называли конфликт в Чечне “джихадом мусульман” и “священной войной за ислам”.

Деятельность улемов вызвала реакцию правительства, которое развернуло в Королевстве широкомасштабную акцию по сбору средств для страдающих от войны мирных граждан Чеченской Республики. В 1995 г. специальным указом короля Фахда и на ос-

нове его личного денежного пожертвования была создана Программа короля Фахда для спасения Чечни под эгидой принца Абдель Азиза бен Фахда бен Абдель Азиза Аль Сауда.

Саудовская официальная оценка событий в Чечне концентрировалась на том, что в рамках единого государства – России – происходит противостояние между двумя этноконфессиональными группами населения – чеченцами и русскими. При этом одна из сторон этого противостояния использует против другой “излишнюю силу”. В силу этого обстоятельства Саудовская Аравия оказывала гуманитарную помощь тем, в ком она видит страдающих от применения этой силы единоверцев.

В течение 1995–1997 гг. представители Программы (ее рабочее бюро находилось в Москве) предпочитали оказывать “целевую” помощь беженцам и пострадавшим от первой чеченской кампании (на территории Чечни, в Москве, Ингушетии, Дагестане и Азербайджане). В то время российские федеральные власти не осуществляли над их деятельностью сколько-нибудь существенного контроля.

Только в течение апреля-августа 1995 г. на предоставление “срочной помощи” (первый этап реализации Программы) ими было израсходовано 400 тыс. дол. США.

Общая сумма расходов второго этапа помощи (ноябрь 1995 – июль 1997 гг.), включавшая затраты на поставку в регион продуктов питания, лекарств и медицинского оборудования, зимней и детской одежды, палаток, домашней утвари, школьного оборудования и школьных портфелей, составила 5 млн.200 тыс. дол. США.

С 1998 г. помощь Чечне была продолжена Объединенным саудовским комитетом спасения Косово и Чечни, созданным специальным указом короля Фахда. Комитет смог частично решить

встававшие перед ним проблемы на основе подписанного между ним и российским министерством по чрезвычайным ситуациям протокола о взаимопонимании, на основе которого он смог открыть свое северокавказское бюро во Владикавказе.

Чеченские события стали во многом препятствием на пути развития саудовско-российских отношений. При этом саудовская помощь, как и развивавшееся в королевстве движение солидарности с теми, кого там называли “слабым мусульманским народом, достаточно пострадавшим от ужасов войны и депортации”, воспринимались в России как открытое содействие происходившим в ней центробежным процессам.

Эта ситуация была радикально изменена только в сентябре 2003 г., когда российскую столицу с официальным визитом посетил нынешний саудовский монарх (в то время наследный принц Королевства) Абдалла бен Абдель Азиз. Именно он во время своего визита в Москву определил чеченскую проблему как “внутреннее дело” России и отметил: “Урегулирование затянувшейся чеченской проблемы должно осуществляться мирным путем, через конституционные процедуры в рамках Российской Федерации”⁶.

В день начала визита принца Абдаллы в Москву передовая статья влиятельной саудовской газеты “Ар-Рияд” отмечала: “Королевство – центральное звено арабского региона и мусульманского мира, и в силу этого, отгалкиваясь от собственной оценки меняющихся обстоятельств времени, оно видит в России стратегического союзника в области нефти, газа и борьбы с терроризмом”⁷. После завершения визита все та же “Ар-Рияд” вновь в передовой статье подчеркивала: “Королевство как действительный руководитель мусульман-

ской нации и как государство, основанное на исламском шариате, заинтересовано, в первую очередь, в том, чтобы развивать отношения с тем или иным дружественным государством в зависимости от того, насколько это дружественное государство учитывает в своей деятельности исламский фактор”⁸.

В канун визита саудовская пресса начала комментировать и выраженное российским Президентом в начале августа 2003 г. во время его визита в Малайзию стремление России быть пред-

ставленной в Организации Исламская конференция (ОИК)⁹. В этой связи “Ар-Рияд”, в частности, писала: “Хотя Россия и имеет черную историю своих отношений с исламом и мусульманами, продолжавшуюся вплоть до развала Советского Союза и даже уже после того, как это произошло, ... вызовы, бросаемые сегодня исламской нации, ... делают логичным прием России, включая даже ее полноправное членство, в ряды Организации Исламская конференция”.

Таким образом, для саудовских властей и общественного мнения Россия стала представлять собой страну, которая при разработке своей внешней политики принимает во внимание интересы своего значительного по численности мусульманского населения. А это уже одна из прочных основ для дальнейшего развития отношений между двумя странами.

¹ Интервью автора с Его Высочеством принцем Турки Аль-Фейсалом. Эр-Рияд. 28 декабря 2002. (Личный архив автора).

² *Аш-Шехри А.М.А.* Аль-Илякат ас-саудийя ас-советийий ва ас-саудийя ар-русийий. 1926–1997. Эр-Рияд, 2001. С. 277–278.

³ Визит В.С. Черномырдина в Саудовскую Аравию, Кувейт, ОАЭ, Оман // Дипломатический вестник. 1994. № 23–24. Декабрь. С. 9–10.

⁴ *Поляков К.И.* Арабский Восток и Россия: проблема исламского фундаментализма. М., 2001. С.77.

⁵ Текст заявления ОИК. 29 декабря 1995 г. <http://www.oic-oci.com/>

⁶ *Принц Абдалла.* Чеченский вопрос – внутреннее дело России // Известия. 2003. 5 сентября.

⁷ Аль-Мамляка ва Русия: аль-ахдаф ва ат-таталлуат // Ар-Рияд, 2003. 2 сентября. <http://writers.alriyadh.com.sa/>

⁸ Ар-Рияд. 2003. 9 сентября. <http://writers.alriyadh.com.sa/>

⁹ *В.В. Попов.* Мини-ООН для исламского мира // Российская газета. 2003. 20 августа.